

Елена Вямякупус

ИЗ БЕЗДНЫ С ЛЮБОВЬЮ

Люди, которые всегда со мной

Елена Вяхякуопус

Из бездны с любовью

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Вяхякуопус Е.

Из бездны с любовью / Е. Вяхякуопус — «Издательство АСТ»,
2023 — (Люди, которые всегда со мной)

ISBN 978-5-17-156454-4

В одном из старых районов Петербурга исчезают дети. Поиски приводят следствие в психиатрическую больницу, диковинный дом известного режиссера, музей-дворец великого князя и в магазинчик «24 часа». С каждым из главных героев – следователем, охранником музея и светской дамой-психологом – происходят события, которые можно принять и за мистические таинства, и за бред расстроенного сознания, и за реальное вмешательство древнего прошлого в современную жизнь. При всей увлекательности детективного сюжета, роман серьезный – размышление о том, что сейчас происходит с нами в нашем мире. О потерянных и украденных детях. О чудаках, кого пугают собственные выдумки, а перед настоящими опасностями они проявляют удивительное бесстрашие. Кто боится выйти из дома или поцеловать девушку, но хладнокровно становится под дуло пистолета. Роман о психологах и психиатрах, следователях и подследственных, о мертвых, кто возвращается отомстить живым. И конечно, о Петербурге и о любви.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-156454-4

© Вяхякуопус Е., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Елена Вяякуопус	5
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	19
Глава 8	21
Глава 9	22
Глава 10	24
Глава 11	26
Глава 12	28
Глава 13	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Елена Вяжякупус Из бездны с любовью

© Елена Вяжякупус, текст, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

В ту же ночь покинули они город и при свете звезд пошли к реке. А дозорные на стене глядели на звезды и не заметили их. Взошло солнце, и узнали в городе, и сказали: они вернуться. Но не вернулись ушедшие. Вместо них налетел южный ветер, и засыпал маковые поля песком, и стала долина пустыней.

И тогда послали за ними ловцов...

Глава 1

Ребенок на набережной

Сверкая армадами звезд, Галактика плыла в океане Вселенной среди несметных мерцающих островов, каждый из которых сам был галактикой с необозримыми сонмами пылающих, тлеющих и потухших светил. Безмолвно взрывались и гасли золотые, рубиновые, алмазные звезды, кружились огненные и ледяные планеты, и волны испепеляющего света разносили память о них все дальше и дальше, к невидимым берегам.

В одно из мгновений нескончаемого путешествия Галактики, точнее, во вторник шестого июля в шесть часов пять минут вечера, ослепительный луч одной из ее двухсот миллиардов звезд встретил на своем пути препятствие в виде позолоченного трехметрового ангела и, не в силах его обогнуть, рассыпался искрами в потоке широкой реки, чтобы, отразившись от ее стальных волн, навсегда пропасть в голубом глазу наклонившейся над водой девушки.

Девушка икнула и плюнула в воду. Она была пьяна.

Весь день сегодня Гуле хотелось выпить, как обычно в последние семь лет, начиная с того самого утра, когда она вместо школы отправилась с матерью в больницу, отнести костюм отцу для его последнего путешествия. Лысый дядька в грязном банном халате взял у матери деньги и сказал: добавить надо, несвежий ваш. При прощании отец лежал и незнакомо улыбался, и еще трое покойников в соседних гробах лежали и улыбались такой же искусно нарисованной, спокойной улыбкой. Добрые тетушки налили Гуле стаканчик зелья, и ломота в груди стала меньше, и стало легче дышать.

С утра она обыскала квартиру, но ни копейки денег, ни капли спиртного не нашла. Мать все спрятала или унесла куда-то. Гуля не понимала, почему та все время сердится, почему без конца придирается. Ведь она не какая-нибудь пьяница, нет, она выпивает по настроению. Захочет и пить не будет. Вот когда была беременная Тёмкой, так и не пила совсем. Особенно последние месяцы в рот не брала, кроме разве пива, и то изредка. А мать зудит как заведенная, только и знает свое: «Ты меня доконаешь, ты меня доконаешь, ты дура, ты дура»... А что, всем умными быть? Да, Гуля училась в школе плохо, зато готовить умеет лучше многих. Всем парням нравятся ее борщи и жареная картошка. И сама она ничего. Не красавица, да, полновата, но волосы густые, темные, с медным отливом, а глаза голубые. Она давно бы вышла замуж, если б не Тёмка.

Все утро и весь день шел дождь, форточки хлопали, в комнатах стоял полусумрак, как будто не лето, а осень на дворе. Тёмка хулиганил, бросал игрушки, хныкал, ползал за Гулей. Пришлось шлепнуть его пару раз, а потом закрыть в спальне. Гуля включила музыку, чтобы не слышать его воплей, и начала доставать из шкафа летнюю одежду и рассматривать – что починить, что погладить. Одежды было немного. У других девчонок по несколько джинсов, топики меняют каждый день. У Ксюхи, продавщицы, опять новые босоножки. Желтые, на толстой платформе. А Гуле уже месяц не отдает за ту шикарную куколку-ключик, говорит, покупателя на нее нет... Обманет снова... Найти бы деньги или в лотерею выиграть, Гуля бы сразу накупила себе брюк в обlipку, и разных топиков, и туфли на платформе. А вот выиграть бы миллион... десять миллионов... Переехать от матери в свою квартиру. Завести бар, накупить всяких напитков, белого вина, коньяка... Не надо будет выпрашивать деньги у матери. В последнее время она вообще перестала их давать, приходилось потихоньку таскать у нее из карманов.

Небо за окном посветлело, и Гуля решила прогуляться. Тёмка сразу перестал пищать, как только она усадила его в коляску и завязала зеленую шапочку под толстыми щечками. Рыжие вихры торчали из-под шапки. Надо бы его подстричь, ишь, ноготок на грядке. На улице было

прохладно и ветрено. Громада облаков висела низко, закрывая все небо, клубясь пепельными, дымными горами и башнями, будто прилетевшая из космоса и зависшая над землей чужая планета. Люди спешили куда-то, тащили сумки, громко говорили по телефонам. Гуля покатила коляску по лужам, свернула в Демидов переулок, и скоро они оказались на площади. Машины, троллейбусы, мотоциклы неслись со всех сторон, звенели, гудели, грохотали. Вот была бы у нее машина... сразу бы от парней отбоя не стало... она бы тоже открывала окна и включала музыку на полную мощь! Лучше всего – длинная, называется лимузин. Можно лежать и пить коктейли... где бы взять хоть на стаканчик пива... найти бы на дороге деньги... хоть одну бумажку, полташку... или лучше стошку... а иногда туристы оставляют недопитые банки и даже, бывает, бутылки... как так люди живут – пиво оставляют...

Тёмка скулил в коляске, но Гуля не слышала. Она шла и шла вперед, не замечая ни серой летящей глыбы Собора, ни рвущегося в реку Всадника, вокруг которого стояли туристы. Она высматривала, нет ли у кого в руках бутылки с пивом. Народ, однако, толпился скучный, внимательно слушал какую-то лабуду, всю жизнь текущую мимо Гулиных ушей. Вот и зеленый, костлявый от белых колонн Дворец остался позади. Машин стало меньше, и людей на набережной больше не было, не считая старухи с собачкой, вынырнувшей откуда-то снизу, с лестницы от воды. Старуха ковыляла, сгорбившись и почти до земли опустив голову, собачка была гладкая, длинная, похожая на крысу, и Гуля мельком подумала, что это и есть крыса на поводке, но тут собачка визгливо залаяла и стала рваться вверх, подпрыгивать и вдруг взлетела, быстро перебирая лапками, будто плыла по воздуху. Гуля не удивилась, она вообще ничему не удивлялась, давно перестав ожидать от мира чего-то интересного. Ишь, крыса летучая, равнодушно отметила она, проходя мимо. Старушка подняла голову, блеснули темным огнем глаза, сверкнули белые зубы между губ, растянутых в нарисованной мертвой улыбке. Сжало в груди от забытого детского страха. Гуля прибавила шагу, а когда оглянулась, старуху с собакой было уже не видно. В последнее время ей часто чудилось разное, мать говорит, конечно, это от водки. А где ее взять, водку-то? Только когда друзья угостят...

Она поставила коляску у парапета и, облокотившись на него, посмотрела на Неву. Тяжелые волны перекачивались по всей ее поверхности, свинцовые, холодные, река была похожа на беспокойное северное море. На другой стороне длинной баржей темнела Петропавловка, над ее одинокой мачтой кружились две птицы. Тёмка снова расплакался, и Гуля наконец наклонилась над ним: ну, чего тебе, Тёмчик, иди сюда, мама возьмет на ручки... И тут блеснуло у колесика... Оглянулась, схватила – черные иностранные буквы на морковной этикетке, не поймешь, но ясно, что-то шикарное, пробки нет, а темно-янтарной, прозрачной жидкости еще почти полбутылки... Да подожди, надоеда, хватит орать, – бросила Тёмке, и первый глоток пахучего сладковатого зелья опалил горло – ух ты, такого она никогда не пила, кто ж такое бросает, сейчас, небось, вернутся, растеряхи... Скорее вниз, к воде, чтоб не нашли, догадалась она. Достала Тёмку из коляски, и он сразу замолк. Держа одной рукой ребенка, а другой – найденное сокровище, она начала спускаться по ступенькам.

Луч солнца пробился из-за туч, и вспыхнул золотом ангел на мачте каменного корабля, и две большие птицы, описав над ангелом прощальный круг, полетели над рекой к гранитному причалу, на котором, свесив ноги над водой, сидели темноволосая девушка и маленький мальчик в зеленой вязаной шапке.

Глава 2

Балкон малиновой гостиной

Старинные английские часы нежно прозвонили-просвистели шесть раз. Началось очередное собрание совета Дома ученых на Дворцовой набережной. Собрание проходило на верхнем этаже, в бывшей спальне Александра Владимировича, старшего сына великого князя Владимира Александровича, тихо скончавшегося в ней, будучи от роду полутора лет. Как и в детских комнатах великих князей Кирилла, Бориса и Андрея, тут ничего не сохранилось. Стояли простые канцелярские столы и стулья, лепнина на потолке замазана толстым слоем штукатурки. Несмотря на то что бо́льшая часть членов совета опаздывали, председатель объявил заседание открытым – всем хотелось побыстрее уйти домой. Завхоз Антонина Петровна окинула взглядом стол, домашние чашки, электрический чайник, стеклянную вазу с печеньем и вышла, плотно притворив дверь. Вроде ничего не забыла. Память начала подводить, нужно все записывать и много раз проверять себя. Давние события она помнила прекрасно, а что было вчера или даже сегодня утром – могло начисто исчезнуть из головы. Может, потому что все хорошее осталось в прошлом... По крутой лестнице Антонина Петровна спустилась на второй этаж, останавливаясь через каждые несколько ступеней и качая головой, привычно размышляя о том, как великая княгиня Мария Павловна со своими пышными юбками и в узких твердых туфельках могла ходить по этой лестнице и не падать. А уж в парадном платье, с длинной накидкой из баргузинских соболей, или в парчовом, с кружевным хвостом... Да, это была дама. Не то что нынешние подштанницы, бесстыдно выпячивают голые животы, хочешь не хочешь, смотри на них. Антонина Петровна терпеть не могла молодых девиц. Сама она в юности одевалась скромно. Хоть и в ватнике, и в сапогах, да в юбке. А теперь все стыд потеряли, телеса свои повыставляют, пиво прямо из банок на улице пьют...

Продолжая отдуваться, Антонина Петровна вошла в малиновую гостиную, самую красивую комнату дворца. Стены, диваны и кресла в ней были обиты алым штофом и бархатом. Даже в солнечную погоду здесь стоял розовый полумрак, и в темном зеркале над камином лицо Антонины Петровны казалось молодым и чем-то похожим на прекрасное лицо Марии Павловны с портрета, висевшего рядом. Волосы Антонины Петровны все еще темные, почти без седины, вились мелкими локонами, нос красивый, хотя немного длинноват, как и у княгини, лицо в морщинах, но с розовым румянцем... Она проследовала к окну, чтобы задернуть шторы. Из окон открывался вид на реку и Крепость, по набережной неслись машины, и в который раз Антонина Петровна подумала, вот бы хорошо, если бы все эти машины провалились в реку, и она унесла бы их навсегда прочь, и, как сто лет назад, стало бы спокойно и тихо, и только четко и торжественно цокали бы копыта по гранитной мостовой...

Проходя мимо двери на балкон, Антонина Петровна нажала на всякий случай на медную ручку, хотя знала, что дверь эта всегда закрыта на два ключа, и последний раз открывали ее месяц тому назад, по случаю фуршета, устроенного известным театральным деятелем в честь молодой супруги. Ручка скрипнула, и дверь отворилась.

«Выгнать негодяя», – вслух сказала Антонина Петровна, имея в виду Володьку-охранника, и вышла на балкон. Кроме двух бронзовых грифонов с собачьими головами, там никого не было. Грифоны грозно взирали на набережную, лучи вечернего солнца зажгли их глазницы темным огнем.

Через дорогу у причала стояла коляска, и девица в модных узких подштанниках пила прямо из бутылки, вид которой не оставлял сомнений в том, что это не лимонад. Потом девица достала из коляски ребенка и, сильно покачиваясь, стала спускаться к воде. Антонина Петровна повернулась, помедлила, глядя на замок, и поспешила вниз. На лестнице опять пришлось

крепко держаться за перила, чтобы не поскользнуться на полированных временем мраморных ступенях. Лестница была длинной, в несколько пролетов, с огромными потемневшими зеркалами на стенах. Эти зеркала никогда не нравились Антонине Петровне, их было слишком много, да еще и друг напротив друга, и в полумраке казалось, что в зеркалах отражается кто-то неизвестный, дробясь в убегающих во тьму бесконечных туннелях. В прихожей, за дубовым прилавком, Володька-охранник развалился перед телевизором, громко отхлебывая из стакана. Антонина Петровна уничтожающе посмотрела на него, но Володька этого не заметил. Она набросила плащ, взяла на всякий случай зонтик и вышла на набережную. Вправо до перехода нужно было пройти всего несколько шагов, но уже на середине дороги Антонина Петровна поняла, что опоздала. Прохожие останавливались, перегибались через парапет, какая-то женщина истерически закричала. Антонина Петровна достала мобильный телефон и двумя уверенными нажатиями набрала номер.

– Могли бы и быстрее отвечать, – выговорила она заквакавшей трубке, – выезжайте. Дворцовая набережная, двадцать шесть. Пьяница утопила ребенка. Да. Конечно. Я видела все своими глазами.

Глава 3

Допрос в гнезде

Павел Лугин с некоторой осторожностью вошел в женское отделение Дома призрения душевнобольных на Огородном шоссе. Дом этот был открыт по милости цесаревича Александра, человека глубоко верующего, отца последнего монарха Российской империи Николая Второго и брата великого князя Владимира Александровича, о чем капитан ничего и никогда не слышал. Дом называли теперь Гнездом, в память о некоем яром атеисте, герое революции Гнездовском, ненавидевшем всех царей вместе взятых и к данной больнице имевшем отношение только потому, что сам там лечился какое-то время, о чем капитан, впрочем, тоже ничего не знал. Но он уже бывал в этом отделении и помнил, чем кидается и как кусается контингент, весьма мало напоминающий страждущих душою фрейлин и дворянских дочерей, для которых когда-то этот дом был основан. Женщины, находившиеся здесь теперь, были не просто больными. Каждая из них совершила преступление, и выздоровление означало немедленный перевод в тюрьму – большинство, как ни странно, об этом пламенно мечтало.

В длинном коридоре пахло хлоркой от мокрого пола. Две пациентки в халатах цвета зеленки стояли у такой же зеленочной стены. Они сразу повернули головы, как испуганные ящерицы, и уставились на Лугина немигающими глазами. Он быстро прошел к лестнице, пробормотав: «Добрый день!» Женщины смотрели ему вслед, он услышал, как одна сказала:

– Так бы и съела красавчика!

– Это мент, дура, – прохрипела вторая и закашлялась.

На втором этаже Лугина ждали. Полный пожилой врач, с седыми кудряшками вокруг блестящей лысины, с широким мягким лицом, улыбаясь, протянул ему руку.

– Мир входящему в нашу немирную обитель, Павел Сергеевич, хи-хи... Чайку? Кофейку? Коньячку, может быть?

– Я на машине, и времени мало. Как там с Гараевой, готово?

– Все давно готово, уважаемый следователь, вот, взгляните. Пожелаете сами с нею пообщаться?

Лугин брезгливо смахнул крошку со стула и уселся за огромный обшарпанный стол с разложенными на нем документами.

Бумаг было много, анализы, результаты тестов. Длинный текст заключения пестрел непонятными и, на взгляд капитана, бессмысленными терминами.

Подэкспертная неохотно отвечает на вопросы, контакт малопродуктивен, ответы носят случайный, иногда нелепый характер. Отношение к исследованию отрицательное («хватит, устала, надоело уже все»). Во время исследования пассивна, вяла, безразлична к критике и похвале, при указании на ошибки не старается их исправить. Эпизодически отмечаются сильные немотивированные вспышки раздражения. В эти моменты агрессивна. Критичность значительно снижена. Понятливость и сообразительность недостаточны, интеллектуальные возможности умеренно снижены, объем внимания сужен. Ассоциации в рисуночном тесте конкретны, но некоторые обращают на себя внимание необычностью (так, для того чтобы запомнить слово «страх», нарисовала подобие летучей мыши, назвав его «такая ворона с красными глазами, летает в небе и ест детей»).

Личностная сфера характеризуется примитивизмом и незрелостью, нарушением механизмов эмоционального реагирования. Параноидальные идеи локализованы, касаются только двух областей: «ворон-убийц» и «летающих собачек». Признаков психоза нет.

В конце подчеркнуто жирной красной линией: *Посттравматическое расстройство, причиной которого, возможно, стало падение ребенка в воду на глазах подэкспертной. Столк-*

нула ли она его сама или имел место неглект, ответить на основании проведенной экспертизы не представляется возможным.

– А поточнее нельзя? – раздражаясь, но стараясь говорить вежливо, спросил капитан. – Кто писал заключение? Почему подписи нет?

– Лиза Островская ее обследовала, Елизавета Юрьевна. Она сегодня приболела, вернется, подпишет...

– Хм... Из этих бумаг не ясно, соображала подследственная, что делает, когда ребенка посадила на край причала? Она повторяет, что ребенка схватили «две птицы, у которых были человеческие глаза». Если это были женщины, которым она передала или продала ребенка, была она вменяема или нет?

– Ну, уважаемый следователь, это от ее соображения не зависит. Промилле-то у нее было не слабенькое, хи-хи, и профессор бы не соображал. Как она вообще дотащилась туда с ребенком, загадка!

– Гараева уже на набережной выпила около двухсот миллилитров шестидесятиградусного рома.

– Ого! Интересно, где такой продают?

– Могу я сейчас поговорить с ней? – сухо спросил капитан, засовывая бумаги в портфель.

– Пожалуйста-пожалуйста, уважаемый Павел Сергеевич, пригласим прямо сюда... располагайтесь. Чувствуйте себя как дома!

И еще раз хихикнув, врач выкатился в коридор. Вскоре два дюжих санитаря привели подследственную. Темные короткие волосы, полная, лицо кажется нежно-детским, но привычный взгляд капитана сразу отметил опухшие глаза и желтоватую бледность. На лбу длинная тонкая ссадина, будто бритвой провели. Зрачки непроницаемые, гладкие и блестящие, как у куклы.

– Садитесь, Гараева. Опишите еще раз, как выглядели те женщины, которые, как вы утверждаете, схватили вашего ребенка.

В эмалевых зрачках мелькнул слабый голубой отблеск и погас. Она ответила тонким, девчоночьим голосом, с прокуренной хрипотцой:

– У птиц он, Тёмка, у ворон с глазами. Нашли их?

– Ищем, ищем. Но вы должны нам помочь. Расскажите, как они выглядели, большие они были?

– С овчарку. Крылья черные... с перепонками. Глаза... как стоп-сигналы... и ресницы накрашенные.

– По-русски говорили?

– Каркали они... и подвывали.

– Одеты во что были?

– В перья, сказала же!

– А чем они схватили ребенка?

– Лапами своими погаными. С маникюром когти... длинные, красные. Хватит уже. Устала я.

– Вы узнали бы их при встрече?

Подозреваемая молчала, уставив глянцевые зрачки куда-то в окно. Капитан повторил:

– Если увидите, узнаете?

Она медленно повернула голову и вдруг, зашипев, как кошка, вскочила. Реакция у капитана всегда была хорошей, а в этом отделении он и без того бывал настороже. Поэтому он легко удержал ее руки, не дав коснуться своего лица, кивнул санитарам, и они потащили больную прочь.

Глава 4

Телескоп на чердаке

Переулок у Сенной площади, где стоял их дом, мать упорно называла Демидовым, хотя последние шестьдесят лет он носил имя бесстрашного шофера Гривцова, погибшего при освобождении Эстонии в нынешнем возрасте Лугина – двадцати девяти лет. Павел с матерью жили на первом этаже. Дом строили в восемнадцатом веке, и подоконники почти касались земли. Перед окнами отец когда-то сделал палисадник, мать посадила там ландыши, и с тех пор они цвели каждое лето, принося свежесть леса в мрачный колодец двора.

– Павлуша? Все в порядке? – Мать уже стояла у двери, телевизор не помешал ей слышать, как поворачивается ключ в замке.

– Мама, ну что может быть не в порядке? Почему ты всего боишься! – вздохнул Лугин.

– Вот сейчас показывали, в Пензе гранату бросили в милиционера, – мать говорила, растягивая слоги, как капризная девочка. Брови ее всегда были приподняты в наивном, чуть кокетливом удивлении.

– Брось ты верить этим сериалам. Я бомжами занимаюсь и таджиками.

– Это не сериал, это передача такая, «Дежурная часть». – Она жалобно смотрела на него поверх очков.

– Мам, дай поесть лучше, – улыбнулся Павел, потянувшись обнять ее, но мать отстранилась.

– Руки, руки иди мой! У бомжей туберкулез!

Он покачал головой и отправился в ванную. Лана Васильевна особенно боялась грязи и постоянно ждала, что сын принесет с работы какую-то заразу. Она засовывала ему в карманы спиртовые салфетки, заставляла сразу менять одежду на домашнюю и не позволяла проходить дальше порога, не сняв ботинок. Процесс приготовления еды отнимал у нее уйму времени. Продукты приходилось тщательно мыть, ошпаривать кипятком посуду, протирать спиртом мясорубку, ручки кранов, столы. Она верила, что в каждом яйце гнездится птичий грипп, бифштекс мог быть от бешеной коровы, фрукты обязательно покрыты палочками холеры и чумы. Временами Павлу хотелось бежать прочь, как когда-то это сделал отец. Впрочем, он любил свой дом, привык к чистоте и порядку темноватых комнат, а запах старых вещей – запах прожитой жизни – успокаивал и возвращал в детство. Возвращал в то время, когда отец сидел по вечерам у окна в большом кожаном кресле, а он забирался к отцу на колени и тарасил глаза в его книгу, пока не засыпал...

Квартира Лугиных была уютная, с удобной простой мебелью, со светлыми паркетными полами, со множеством фотографий на стенах и двумя мексиканскими елками – араукариями – до потолка. Другие растения не выживали – потолки низковаты, солнце никогда не заглядывает в окна. До прошлого года самое любимое место у Павла было у окна, за араукарией, в черном кожаном кресле, где он, как когда-то отец, читал и дремал после работы. Но несколько лет назад ему достались ключи от чердака. Случилось это так. Проверя чердачные помещения в районе, сержант Рыбаренко дошел и до дома Лугина. Лестница с последнего этажа вела к заколоченной двери, которая, как оказалось, держалась на одном гвозде. Под деревянными балками расположились в ряд несколько «постелей» – грязных матрасов, рваных одеял и разного тряпья, наваленного с попыткой некоторого порядка, в виде подушек. Стояла керосиновая плитка, на ней закопченная алюминиевая кастрюлька. Факты нарушения пожарной безопасности и незаконного проживания лиц без определенного места жительства были налицо. Предъявив полученный от Рыбаренко протокол подобострастно смотревшей на него молодой мосластой управдомихе, Лугин как бы мимоходом спросил, не возражает ли она против того,

чтобы он оставил ключ у себя. Она готовно и согласно закивала, как лошадь, вытягивая жилистую шею, довольная тем, что ее ни в чем не обвиняют. Он привел чердак в порядок, выволок тряпье и мусор, вымыл горячей водой деревянные половицы и старинное круглое окно, поставил возле него свое кресло и даже притащил араукарию. Потом отправился в Гостиный Двор и купил там на всю зарплату большую, настоящую подзорную трубу. Недельку пришлось терпеть, когда кончится дождь. Наконец в плотной облачной овчине показались просветы, и, дождавшись, пока мать уснет, он отправился с трубой наверх. Долго не мог настроить ее, и вдруг, как удар, возникла огромная яркая луна, корявая от кратеров, с пустынями и сухими морями, страшная в своей пустоте. С тех пор каждую ясную ночь он проводил на чердаке. Ясных темных ночей выпадало немного. Летом было слишком светло, осенью, зимой и даже весной небо было часто закрыто облаками. Огни фонарей и свет из окон домов сливались в единое марево, мешающее разглядеть, что там, вверху. Но под утро становилось темнее, и, когда тучи рассеивались, капитан подолгу всматривался в звездный океан, безмолвный, вечный и загадочный. Больше всего его пленял Млечный Путь, в хвосте которого стремительно летел и он сам вместе с чердаком, домом, городом и всей планетой. Ему казалось, что он стоит на носу корабля, а подзорная труба – это штурвал шхуны, несущейся по небесным волнам. Хотелось домчаться туда, в самую сердцевину Галактики, где звезды сияли сплошным ковром вокруг бездонной черной пропасти, и стать на якорь у неведомой планеты, голубой, как родная Земля. Он почти видел ее хрустальные горы и сверкающие ущелья, ему слышался шум водопадов, чудился запах диковинных цветов. Однажды планета приснилась ему, чистая, прекрасная, неслышно текли прозрачные реки меж золотыми берегами и сверкало в небе голубое, алмазное солнце.

После ужина, рассеянно просматривая документы, Павел спросил:

– Мам, а в ваше время крали детей?

– Детей? Не пугай меня, опять кого-то украли? Где? Когда?

Он удивленно посмотрел на мать.

– Что значит «опять»?

– Мы же с отцом твоим познакомились как раз из-за пропажи ребенка. Я сама его и нашла. Его подкинули к нам в роддом. А Максика не нашли. Разве ты не помнишь, как Максик потерялся, у Бургартов с Казначейской? Такой чудесный мальчик, чистенький, в галошах, и всегда платочек в кармане...

– Максик?.. Это тот толстый, который к нам ходил играть во двор? Но ведь они уехали куда-то... в другой город?

– Нет, он потерялся, и Ирма Бургарт сошла с ума. Прекрасная была женщина, тоже всегда носила галоши. Имей в виду, хотя теперь и не модно, но это очень полезная вещь. И ноги сухие, и...

– Мама, потом про галоши. И что?

– Потом они уехали в Германию, к родственникам. Такое несчастье! Когда я узнала про Максика, я просто упала в обморок, все время боялась за тебя! Поэтому до третьего класса в школу провожала...

– Да уж, помню, пацаны меня дразнили. Так и не нашли его?

– Как в воду канул! И в Неве искали, и в заливе. Отец этим случаем сам занимался, он ведь тогда в райотделе работал.

– А как это произошло?

– Ой, Павлуша, страшно вспоминать. Вы во дворе играли, в нашем палисаднике. Ты пришел домой, а он нет.

– И никаких версий? Никого не подозревали?

– Отец-то, конечно, ни минуты не думал, что это Бургарты. Люди добрые, порядочные. Ирма весь район обшивала, до сих пор ее юбку ношу, она шила с подкладкой, швы отделявала, теперь такой нигде не купить...

– То есть все-таки подозревали родителей?

– Они и так были горем убиты, а тут еще допросы. Поэтому и уехали. Ирма плакала, не переставая, даже в больнице лежала. В Гнезде...

Лугин долго не мог заснуть. В шкафу нашел фотографию – он с мальчиком на диване, рассматривают книжку. Он худой, а Максик толстый. Веснушки, хитрые щелочки глаз. Максик умел придумывать интересные игры – полеты на ракете из табуреток, походы на плоту из старого матраса. Но от того последнего дня ничего не осталось в памяти. Ему было пять, Максик ушел шесть лет. Может быть, именно в тот год он начал видеть страшные сны? Первый, самый яркий – о Бабе-яге. Она бежала за ним по лесной дорожке, и он спрятался в беседке, круглой деревянной беседке, как та, что стояла во дворе детского сада. Он сидел и дрожал, глядя на пустую тропинку, и тут на ней показалась мать, и он обрадовался и бросился к ней навстречу. Какая-то женщина, молодая и красивая, шла рядом с матерью, видно было, что они хорошие подруги, она что-то говорила, и мать смеялась ее словам. Он схватил мать за руку и взглянул в лицо ее спутницы. Она улыбнулась ему мертвой улыбкой, обнажив длинные зубы, сверкнули злобой глаза из-под длинных накрашенных ресниц – это была та самая Баба-яга...

– Здравствуй, малыш! Я пришла за тобой...

Тихо прикрыв дверь, капитан поднялся на чердак. Дождь кончился, небо было высокое и чистое, и в окуляре звезды, как всегда, сияли своим вечным светом. Но в этот раз вместо умиротворения он испытал страх и тоску. Он подумал, что не знает, есть ли на самом деле эти звезды. Возможно, они погасли и исчезли тысячи лет назад, а он все еще видит их свет, мимолетный в вечном времени, как жизнь человека. Может быть, давно нет никакого Млечного Пути, и только Солнце и Земля с его домом одиноко летят во Вселенной... Он вглядывался в дрожащие и мигающие огоньки, и ему казалось, что еще секунда, и небо померкнет. Звездные лучи трепетали и пропадали в синих глазах капитана, находя в них свое последнее пристанище...

Глава 5

Утро на Казначейской

Сумрак в комнатах Дома был серым и плотным, как туман. Стены, мебель и двери, едва различимые, слегка шевелились и колыхались в волнах темноты. Иногда внизу, у пола, бесшумно скользили тени, похожие на мышей или серых птиц. Из угла метнулось яркое цветное пятно – пролетела большая пурпурно-золотая бабочка. Лиза с трудом шагнула вперед. Надо закрыть двери, все двери в комнате. То, что притаилось в Доме, может войти в любой миг... Она старалась двигаться быстро, но ноги вязли в тумане, как в илистом дне, пальцы не слушались, она пыталась найти ключ в двери, а ледяное дыхание Того, что было в Доме, уже проникло сквозь щели, морозило лицо... Наконец Лиза нащупала и с трудом повернула ключ, но раздался скрежет, и по двери побежали трещины...

Приятным тихим колокольчиком зазвонил телефон, и голос Марка, родной и спокойный, прозвучал где-то рядом: «Хорошо, я ей передам». Лиза натянула одеяло на голову, свернулась в клубочек. Видения стояли у нее перед глазами, и самым неприятным из них была бабочка, разноцветная, слишком яркая и живая для обычного сна... Саднила рука, наверное, снова царапина на запястье. Непонятно, откуда они берутся. Ногти она стригла очень коротко. Лиза повернулась и взглянула в окно. Окна спальни выходили на глухую стену, и шторы всегда были наполовину открыты. В комнате, как и в Доме ее сна, был полумрак, но сверху пробивался одинокий солнечный луч – значит, уже полдень. Давно пора вставать, она два дня не была в Гнезде, сегодня нужно пойти. Конечно, главврач не скажет ни слова, этот смешной толстяк считает ее работу блажью, капризом обеспеченной светской дамы. Рад, что к жене Островского, модного режиссера, можно обращаться с разными просьбами – достать для клиники новые компьютеры или ему и супруге – билеты на премьеру спектакля. Да он и сам зависит от Лизы – старый невротик, просит у нее советов в личной жизни... Фу, почему она так часто думает о людях плохо?

Раздался осторожный стук в дверь. Марк всегда стучал прежде, чем войти, когда-то это ее удивляло. Он был еще в халате, темные с проседью кудри растрепаны. Видно, лег под утро и тоже проспал. Сел рядом на кровать, погладил Лизу по руке.

– Лили, уже почти двенадцать. Звонили из полиции, наверное, по поводу кого-то из твоих маньяков. А это что? Опять поцарапала себя во сне, глупышка?

– Обними меня...

Через полчаса, умывшись ледяной водой (невская вода всегда холодная, даже летом), Лиза спустилась в столовую. Успокаивающе пахло горячими булочками и кофе (странно, почему кофе бодрит, а запах его расслабляет...). Лиза налила кофе и сливки в большую чашку из тонкого фарфора. На столе под белой льняной салфеткой лежали булочки, Хенна пекла их каждое утро. Рядом стояли баночки с разными сортами меда.

Она села, взяла книгу, но вдруг, ни с того ни с сего, всплыла в памяти картинка из детства. Вот мать ставит перед ней стакан чая в подстаканнике. На тарелке с отколотым краешком серые толстые макароны, оставшиеся с вечера. Мать кладет на них кусочек маргарина, он пахнет холодильником. Лиза глотает макароны, давится, спешит – боится опоздать в школу. Она сердится на мать, опять проспала, не разбудила вовремя. Мать устает на заводе, и дома много дел, постирать, погладить. Она жалеет Лизу и не разрешает ей делать тяжелую работу. Отец с шести утра на рынке. Завтрак он берет с собой – кусок хлеба, завернутый в тряпочку... Если долго вспоминать, становится тяжело, будто идешь в гору. Лиза встряхивает головой. Психологический анализ все же идиотское занятие. Не надо копаться в своем прошлом. Чем меньше помнишь, тем легче жить... По выходным мать жарит на маргарине хлеб, обмакнув его во взбитое вил-

кой яйцо. Были бы они живы, Лиза наняла бы им сиделку и домработницу. Отец и мать пили бы по утрам сок из апельсинов и ели бы булочки с икрой и медом... Хотя тот жаренный мамой хлеб был куда вкуснее всех этих булочек... Тьфу, что за навязчивые мысли у нее в голове. Других лечит от этого, а сама... Все, хватит, психолог называется. Она промокнула глаза салфеткой и встала. Заглянуть в кабинет к Марку и пора на работу.

Марк что-то настукивал на компьютере, иронически поджав губы. Успел повязать галстук, надеть светлый льняной пиджак.

– Какой ты красивый, Марк...

– А? Извини, ты что-то сказала?

Не слушая ее, он продолжал быстро касаться клавиш, будто играл на рояле. Таким она увидела его первый раз, на экране, десять лет тому назад. Лиза тогда училась в последнем классе, и все вокруг было серым и тоскливым, как заводской город, в котором она жила. Зарплату матери не платили месяцами. Кормились с садо-огорода, что посадишь, то и поешь. На рынок пришли новые люди, и отец больше не мог продавать там самодельные папиросы. Появились очереди за хлебом и молоком, и еще длиннее – за водкой. В трамваях и магазинах толкались, ругались. Пьяные валялись в подъездах. Лиза боялась вечерами выходить на улицу. В городе темно, фонари не включали. Улицы завалены серым снегом.

Однажды вечером Лиза и мать сидели перед телевизором. Отец возился в своей кладовке. Фильм прервался рекламой, и им в очередной раз пришлось смотреть, как длиннозубые красавицы поедают неведомые в их городе яства. Реклама пирожных сменилась рекламой бензозаправок, и вдруг возник белый рояль на золотом песке океанского берега, а за роялем элегантно небритый музыкант в льняном костюме. Ветер с океана развеивал его черные кудри, длинные пальцы скользили по клавишам, звенели веселые колокольчики. Он повернул лицо к Лизе, взглянул ей прямо в глаза, усмехнулся и исчез. На завтра она весь вечер просидела перед телевизором и дождалась: снова вспыхнул золотой песок, покатались синие волны, зазвенели серебряные колокольчики, и небритый принц в белом костюме, улыбаясь, взглянул в ее глаза...

Он почти не изменился за эти годы, только щеки теперь чисто выбриты и в темных кудрях светятся серебряные нити...

– Ты знаешь, что почти год я каждый вечер любовалась тобой по телевизору? Ты был единственным лучом света в темном царстве моей юности.

Марк поднял голову и засмеялся:

– Это тот ролик «Наш бензин как самогонка – чистый, как слеза ребенка»? Да, удачно получилось. Я заработал кучу денег, мы год на них жили.

– Никакой самогонки не помню, только тебя. Красивый, как принц из сказки. И сейчас такой же.

– Лили, я старый. А ты молодая и красивая и будешь такой вечно.

– Я вечно буду с тобой.

– Даже когда я начну хромать, шепелявить и все забывать? – Марк сморщился, сгорбился и пропел дребезжащим голосом: – Теперь же хил и стар я стал, все прежнее оставил...

Иногда ей приходили в голову крамольные мысли, что он более талантлив как актер, чем как режиссер и музыкант.

– Никогда тебя не оставлю. Никогда не любила и не полюблю никого, кроме тебя.

– Так уж и никого? – Он довольно засмеялся и поднялся. – Прости. Бегу. До вечера, родная.

Глава 6

Мандарин-гранат

Зеркальные стены многократно отражали черную мраморную раковину и черную, круглую и глубокую ванну. Лиза видела себя в зеркалах сразу со всех сторон, сотни хрупких фигурок, одна другой меньше, терялись в сумрачной глубине. Круглое лицо, маленький нос, темные глаза. Каштановые волосы коротко подстрижены. Она всегда завидовала блондинкам, даже когда-то обесцвечивала волосы, но ничего хорошего из этого не получилось. Наверное, главное не цвет, а все остальное, что свойственно светловолосым людям – сухая шелковая кожа, молочный запах тела, мягкость волос. Именно такой была Ольга. Ее фотографии до сих пор висят в каждой комнате. Марк хотел их убрать, но Лиза попросила оставить.

– Это был ее дом, пусть она будет с нами.

– Лилька, ты удивительно хороший человек. Любая на твоём месте давно бы их порвала. Бабы жутко ревнивые.

– Она мне как сестра. Все, что ты любил, мне дорого.

Ольга смотрела на нее со стен, сияя голубыми глазами. Янтарные волосы льются на гордо выпрямленную шею. Лиза в детстве много болела, от долгого лежания на раскладушке спина ее искривилась, и теперь приходится скрывать ее под воротничками и платками. Она никогда не сможет надеть ни одно из Ольгиных платьев, все еще висящих в шкафу – открытые, нарядные платья актрисы, из бархата и шелка, расшитые бисером, украшенные пухом и перьями экзотических птиц. Ольга носила узкие туфли на высоких каблуках, от которых у Лизы сразу разболелись бы ноги. В шкафчике из черного дерева лежало жемчужное ожерелье и множество колец и сережек с зелеными, голубыми и вишневыми камнями. Лизе особенно нравился один перстень, с прозрачным камнем цвета розоватого меда, искрящийся, как солнечный луч. Как-то она спросила у Марка, что это за камень.

– Прости, я знаю, что тебе тяжело вспоминать...

– Тяжело...

Марк взял кольцо, положил на ладонь, поднес к лампе. Полетели золотые снежинки, влажно блеснули в его глазах.

– Это мандарин-гранат. Правда, похож на застывший огонь? И на густой прозрачный мед... Были еще сережки... Она их почти не снимала... Не могу... Не могу понять, какими надо быть зверьми, чтобы сорвать... с...

– Бедный ты мой...

Несколько минут они сидели молча.

– Ольга была всегда занята, ты знаешь. Но иногда она читала ему сказки, и тогда разыгрывала для него целые спектакли. Она сама была как ребенок. Входила в образы, плакала, хохотала. Он слушал и хлопал в ладоши...

Голос Марка прервался. Он никогда не называл погибшего сына по имени.

– Один раз она прочитала ему сказку про принца и принцессу, у которых злая ведьма отняла их нежные лица и сделала их такими уродливыми, что родной отец – король – не узнал их и выгнал из дома. Она так рыдала, изображая принцессу, что напугала его... Я ее успокаивал, потом отругал, но она повторяла: когда я стану старой или больной, ты меня бросишь. Он... смотрел на нас и тоже плакал... На другой день я купил это кольцо и серьги... и один большой камень без оправы... и еще брелок для ключей с оранжевым карнеолом, для него. Принес все домой и сказал: «Эти камешки – цвета ваших волос. Если злая ведьма вас заколдует, они помогут мне узнать вас».

– Ты ее очень любил.

Лиза потянулась обнять его, но он отвернулся, достал сигарету, шелкнул зажигалкой.

– Он всегда носил брелок в кармане... Боялся потеряться... Почему я так мало проводил с ним времени? Сидел в ресторанах, слушал каких-то чужих людей... Смотрел глупые фильмы... Вместо того, чтобы быть с сыном каждый час, каждую минуту... За миг с ним отдал бы все теперь...

Марк встал, подошел к окну.

– Знаешь, я где-то читал, что если полететь быстрее света, то можно догнать тот свет, который все еще летит, отраженный от Земли... И в нем можно увидеть прошлое. Все, что было на Земле, день за днем, и наш город, и... Ведь мы видим сейчас звезды, какими они были миллионы лет тому назад...

Да, Лиза помнила тот гладкий камень, карнеол-сердолик, на маленькой серебряной цепочке с кольцом для ключа. Днем при ярком свете камешек был веселым, как большой оранжевый леденец, а вечером, когда ребенок клал его на столик у своей постели, он казался темным, коричневато-красным, как запекшаяся кровь.

Иногда Лиза доставала кольцо и надевала его на безымянный палец. В солнечный день мандарин-гранат переливался огненными и ледяными искрами, вспыхивали и гасли голубые, желтые, красные звездочки, и лучи света, отражаясь от сотен острых граней, возвращались в окно, унося память о женщине и мальчике с медовыми волосами все дальше и дальше, за город, за облака – туда, где, невидимые днем, плыли в небесном океане сверкающие армады Галактики.

Глава 7

Месопотамия и Антонина Петровна

О своем образовании Антонина Петровна туманно говорила, что оно «гуманитарно-художественное». Только директор Дома ученых знал, что она закончила строительное училище по линии сантехнического ремонта, но деликатно не сообщал об этом другим сотрудникам. Страсть к истории появилась у Антонины Петровны давно, когда она была еще кудрявой девочкой Тосей и училась в школе, построенной на месте взорванной до войны часовни церкви Вознесения. Про церковь эту Тосе шепотом рассказывала бабушка Нюра, что была она одной из самых больших в городе, с колокольной красоты необыкновенной, с приютом и богадельней, пока погожим сентябрьским деньком все это не взлетело вверх черными облаками пепла, поднимавшимися все выше и выше и растаявшими в небесной глубине. Как-то ребята сажали во дворе школы деревья, и в ямке нашла Тося нательный крестик. Она принесла крестик домой, а баба Нюра схватила его, поцеловала и спрятала в сундучок под кроватью.

Тося была сиротой. Про отца она ничего не знала, мать умерла при родах. Баба Нюра забрала ее домой и выкормила молоком и творожками с детской кухни. В пятом классе Тосе дали учебник истории, с аркой древнего города Пальмиры на обложке, и она прочитала его весь за несколько дней. Больше всего ей понравились не мумии и пирамиды, от которых были в восторге мальчишки, а древняя Месопотамия, лежащая между двумя реками с удивительными названиями – Тигром и Евфратом. Местность напоминала ее родной город, она тоже была сильно заболочена, и приливы из Персидского залива заносили в болота горько-соленую воду, так же как в шторм ветер гнал соленую воду Балтики в пресную Неву. Наверно, и пахло в Месопотамии как на берегу Маркизовой лужи – горькой ивовой корой, камышом... Как и в Тосином городе, люди в Междуречье строили каналы и дамбы, осушали болота и возводили на их месте здания и сады. Только там почти круглый год сверкало на безоблачном небе раскаленное солнце, а здесь тяжелые низкие тучи сеяли дождь и снег. В районной библиотеке она рассматривала картинки с крылатыми львами, бородатыми быками и рогатыми большеглазыми людьми. Ввинчивалась в небо белая махина Башни, свисали с розовых уступов кровавые гроздья вишни и винограда, и круглые, как щиты, золотистые лодки плыли по бирюзовой реке. Народы сменяли друг друга, исчезали, как исчезли финны, когда-то строившие на берегах Невы бревенчатые избы, обшитые вишневыми досками. Теперь в этих избах живут другие люди, и никто не помнит имен прежних владельцев, не знает, какие были у них голоса, как они улыбались, какие пели песни. Могильными плитами со старого кладбища вымостили дорогу. Вместе с людьми исчезает их мир, и только растения и животные остаются прежними. Те же щуки, как торпеды, таятся в темной воде карельских озер, поджидая тех же карасей и окуньков. Те же зеленые черепахи греются на солнце по берегам голубого Евфрата. Течет великая река времени и впадает в великое море вечности. Где сейчас карельские финны, где аккадцы, арамеи, халдеи, луллубеи и гутии? Где баба Нюра, ее запах, голос, ее походка и улыбка? Куда они все уплыли, и догонит ли их Тося, когда придет ее очередь подняться на борт последнего Корабля – и что это будет за корабль? Сплетенная из ивовых ветвей, обшитая кожей аккадская лодка или стальной закопченный петроградский буксир?

Тося мечтала поступить на исторический, но бабы Нюры не стало, и пришлось после восьмого класса идти в училище. Сразу после окончания ей повезло – в Доме ученых нашлось место завхоза. Когда она вошла в сумрачную прихожую с английскими часами и дубовой резной стойкой и увидела перед собой мраморную лестницу, круглящуюся вверх, к выступающим из темноты статуям, вазам и картинам, она поняла, что попала домой. С тех пор прошло сорок лет. Антонина Петровна так и не вышла замуж, и поэтому каждое утро, даже в выходные, пер-

вой приходила в прекрасный дворец и последней из него уходила, если, конечно, не считать появившегося в перестройку Володьки-охранника, которого, впрочем, и считать не стоило, по причине его полной бесполезности.

Работа в Доме ученых открыла перед Антониной Петровной двери архивов, и знакомые архиведки давали ей интереснейшие документы даже домой. По вечерам она раскладывала старые рукописи на своем круглом столе, под яркой лампой в вязаном абажуре, и разбирала сросшиеся от времени грубые листы, пестревшие ижицами и ятями. В тот вечер, когда капитан Лугин позвонил в ее дверь, она как раз читала рапорт другого молодого капитана, охранявшего общественный порядок в этой же части города триста лет тому назад. Коллега Лугина получал в год девяносто шесть рублей девяносто девять копеек, что было совсем немного и по тем временам. Раз в четыре года давали ему также верхнее платье, кафтан и камзол, раз в год – башмаки и чулки. Служил он браво и отчетов написал множество. Документ сильно попортился, но все же можно было многое разобрать, особенно хорошо сохранились первые и конечные строки:

«Караул неоплошно весь день и всю ночь смотрел, чтобы все было стройно и бережно. Никакого разбою, и татьбы, и душегубства, равно и табакокурения ни в казармах, ни в слободах не учинялось».

И в конце: «Нева напротив того места разделяется надвое... на поляне, где камень на петуха похожий, встретили двух ведьм черноголовых с очами огненными, яко уголья, и солдаты, спужавшись, забили их штыками и топориками».

Прежде чем впустить следователя, Антонина Петровна долго изучала его удостоверение.

– Что вам еще нужно? Я все рассказала тому невоспитанному молодому человеку, который меня допрашивал.

– Хотелось бы кое-что уточнить.

Антонина Петровна пристально оглядела молодого человека с ног до головы – для этого ей пришлось задрать голову так высоко, что она покачнулась и чуть не упала. Лугин вежливо поддержал ее за локоть. Черные джинсы вызвали у нее некоторые сомнения, но отглаженная серая рубашка и блестящие ботинки, а более всего спокойный взгляд холодных голубых глаз капитана ей понравились.

– Ладно, проходите. – Антонина Петровна выглядела сердитой, хотя на самом деле была довольна, что снова может обсудить страшное преступление, главным свидетелем которого она себя считала. – Садитесь, я принесу чай. Напомните ваше имя.

– Павел Сергеевич. Не стоит беспокоиться, я всего лишь...

– Вы меня уже обеспокоили.

Она вышла на кухню, а Лугин подсел к столу и взял в руки старый манускрипт.

Он так зачитался, что не заметил, как Антонина Петровна вошла в комнату, неся на ярком подносе сине-белые гжельские чашки, такой же чайник и тарелку с пряниками.

– Что за погода в июне! – ворчливо говорила она, разливая чай. – Кажется, Земля свернула с пути, и время поменялось, а ученые этого попросту не понимают. Каждую осень теперь все теплее и каждую весну все холоднее.

– Да, я сам про это думал, – сказал Лугин. – Антонина Петровна, вы не заметили рядом с местом происшествия больших птиц? Ворон, например?

– Нет, не было там никаких птиц, – твердо ответила Антонина Петровна.

Глава 8

Гнездо

Работать в Гнезде Лиза Островская начала сразу после переезда в Петербург, устроиться помогла научная руководительница, которая в незапамятные времена была ученицей и помощницей самого Йозефа Гирша, варила ему кофе и даже покупала носки. На лекциях Фаня Леоновна любила рассказывать о том, какие маленькие ножки были у знаменитого ученого, как элегантно он одевался и как пациентки теряли последний ум и соображение, глядя в его жгучие черные глаза. Любовь берлинских пациенток не помешала доктору Гиршу взлететь в небо тонким облаком пепла над зеленым полем у тихого польского городка с нежным, как полусвист-полувзвон старинных часов, названием: Освенцим. Фаня Леоновна долго об этом ничего не знала. Будучи с юности убежденной коммунисткой, она еще до войны отправилась посмотреть на страну своих идеалов. Отсидев положенное за идеалы, устроилась преподавать в школе немецкий язык, а еще через десять лет получила место в пединституте уральского города. Известие о превращении любимого учителя в облако пришло в письме от кузины, вместе с официально оформленным приглашением вернуться в Берлин «для воссоединения с семьей». Фаня Леоновна долго смотрела на письмо, потом убрала его в потрескавшийся саквояж, с которым когда-то переходила три границы, и молча продолжила готовиться к лекции. Только ее плечи немного поднялись, как бы в некотором удивлении, и с того дня наклонялись потихоньку все дальше вперед, так что к восьмидесяти годам она уже была совершенной горбуньей и казалась похожей на худую и грустную обезьянку. Лизу она любила. Они были соседями, девочка с раннего детства проводила много времени в ее маленькой квартирке. Фаня Леоновна давала ей книги, учила немецкому языку и даже подкармливала. Она написала главному врачу Гнезда, Альфреду Степановичу: «Помогите, коллега, девочка старательная, и диплом у нее по маниям, как раз для вас». Так Лиза попала в Гнездо.

В первый день она постучала в кабинет Альфреда Степановича и, не услышав ответа, заглянула внутрь. Там на полу лежал толстый матрас, на стенах висели зеркала и странные маски. На исполинском письменном столе восседала бурая сова с длинными, похожими на человеческие, ногами. Больше на столе ничего не было. Толстый человек в белом халате полулежал в кресле, руки его были сложены на груди, на лице маска клоуна, на лысой голове большие армейские наушники... Потом она узнала, что так он обычно отдыхает от пациентов после утреннего обхода.

Она хотела уйти, но главврач снял маску, заплывшие глазки смотрели насмешливо.

– Догадываюсь, кто вы, воздушное создание. Садитесь на матрас, уважаемая коллега. Примите удобную позу... хи-хи, не поймите про позу превратно. У каждого психолога должен быть свой психиатр. Возьмите эту птичку, она поможет вам расслабиться. Не бойтесь, она вас не клюнет, хи-хи. Вы ленинградка?

И он бросил ей чучело совы. Лиза поймала ее и, поколебавшись, села. Сова была теплой, желтые стеклянные глаза полуприкрыты, клюв уныло свесился. Она вспомнила, что где-то читала то ли стихи, то ли в учебнике истории: «Сова летела над пустыней. Птица разрушенных городов, птица сердечной печали...»

– Нет, – сказала Лиза, устраиваясь и поджимая ноги. – Не ленинградка. Я родилась далеко отсюда, тысячу километров на восток... В городе посреди леса.

Глава 9

Город

Город был спрятан в лесу, как остров в океане. Улицы карабкались вверх и спускались вниз, упирались в поляны и опушки. Высокая трава росла во дворах, березы и осины поднимались до крыш сложенных из серо-бурых бетонных плит домов. Дома были некрасивые, похожие на клетки неопрятных зверей. Дороги напоминали лоскутные одеяла, ларьки, рекламные доски, столбы, провода, заборы строились и подвешивались наспех, криво. Каждую весну и осень дороги покрывались ямами, провода падали, трубы лопались. Их латали и бинтовали на скорую руку. Лес не отступал, корнями и побегам, ручейками и росой проникал в людские гнезда, следил за городом, терпеливо ожидая, когда упадут карточные стены, и тогда деревья и камни, вода и трава сомкнутся над ними, и тишина и покой воцарятся навеки...

Но пока город был жив, и сердце его – военный завод – глухо и тяжело стучало, и дымные тучи закрывали небо свинцовым щитом. Для завода был построен город, и ради него он жил. Работа на заводе была нелегкой, платили за нее мало, но люди не роптали. Вечером поднимались по грязным лестницам в тесные квартиры с низкими потолками, где в замызганных кухнях стояли крытые клеенками столы, а на них банки с «грибами», похожими на дохлых медуз. Кислый мутный напиток из «грибов» считали полезным для здоровья, как и воду из-под крана, настоящую на мельхиоровых ложках, которые называли серебряными. Ели пироги с картошкой, селедку, по праздникам – пельмени, пили дешевую водку. Пили много, пили все – и мужчины, и женщины, и старики, и подростки. Детям наливали стопку – для крепости. Напившись, орали песни, ругались, дрались, плясали.

Горожанам их жизнь нравилась, другой они не знали. Праздников было много – ноябрьские, новогодние, февральские, мартовские, майские... А летом был отпуск и отдых-работа на своем садо-огороде, клочке земли с дощатой хибаркой, где можно спать на набитом сеном мешке, а утром умываться из ковшика дождевой водой. Садо-огороды гнездились тесно, десятками, их разделяли узкие канавки, и сосед хорошо знал, что растет на участке соседа. У родителей Лизы тоже был маленький садо-огород, мать посадила там яблоню, а отец сажал каждый год картошку, морковь и огурцы. Когда их не стало, Лиза подарила участок другу отца. В прошлом году старик приезжал в Петербург и привез Лизе яблоки с маминой яблони. Они пахли детством. Лиза проплакала тогда всю ночь.

В городе сохранился только один старинный дом, деревянный, двухэтажный, построенный еще до революции для главного инженера оружейного завода. На первом этаже дома сделали книжный магазин, а второй оставили балетной школе. Вверх вела скрипучая лестница с темными дубовыми ступенями. Лиза пробиралась по ней в зал и пряталась в углу за стульями. В классах топили высокие изразцовые печи, пахло мелом, воском и старым деревом. Одна стена зала была зеркальной, и в темном стекле отражались девочки в белых юбках. Лиза смотрела на девочек, летавших как ласточки и изгибающихся как лебеди, и думала: как хорошо было бы всегда жить в театре, среди музыки и огней...

Семья Лизы жила на Малиновой горе, городской окраине. У Лизы никогда не было своей комнаты, она спала на раскладушке в проходной «большой». У нее не было ни книг, ни игрушек. Она рисовала кукол на кусочках картона и потом вырезала их ножницами. По ночам укутывалась с головой в одеяло и мечтала о замке с зеркалами, коврами и дубовыми лестницами. Она видела этот замок в своих снах и ощущала его запахи – олифы, воска и старого дерева. На самом верху, в башне, была ее спальня с резной кроватью и круглой мраморной ванной, в воде плавали розовые лепестки. Синеглазый принц сбрасывал шляпу, склонялся к ней, от его светлых волос пахло молоком и сухой травой...

Мать работала фельдшером в заводском медпункте. Она страдала от астмы, ходила медленно, кашляла. Глаза ее часто слезились, и даже когда она улыбалась, морщины складывались в болезненную гримасу. Мать уважала отца и боялась его, хотя он ни разу не поднял на нее руку. После того как отец обварился расплавленным железом, ему пришлось уйти из цеха в сторожа. По воскресеньям он подрабатывал на базаре – продавал самодельные папиросы. Приносил домой тяжелую банку с монетами, пересчитывал их и потом укладывал в старый фанерный чемодан в кладовке, вход в которую Лизе и матери был строго запрещен. Отец с ними мало разговаривал, казалось, просто не замечал. Только иногда, выпив браги или самогонки, он хитро прищурился и спрашивал у дочери:

– Рассказать тебе сказку про звезду Алмазку?

– Да, папа, – каждый раз отвечала она, но отец усмехался и замолкал.

Глава 10

Сон капитана

Лана Васильевна не слышала, как сын вернулся, она крепко спала. Лугину тоже хотелось спать, но все же он решил подняться на чердак. Светлая июльская ночь темнела, напоздало сизое марево, словно туча легла прямо на крышу. Он долго сидел и смотрел в окно, словно в экран включенного без антенны телевизора. Что-то мелькало и мигало в сером тумане, слышался шорох и потрескивание, свивались дымные струи, вихрились, падали из окна вниз, на лицо, холодили лоб. Темнело. Все сильнее свистел ветер, и несколько снежинок осело на ресницах. Пахнуло хвоей. Сквозь мглу проступил берег замерзшей реки и черный лес, и вышли из леса две женщины. Ветер подхватил лохмотья их одежд, выбил черные космы из-под дражных платков. Одна из женщин подняла руку и очертила над собой круг кривым пальцем. В тот же миг метель стихла, и призрачный лунный свет озарил изможденные лица странниц. Обе они были очень стары, головы их тряслись, носы, будто клювы, нависали над беззубыми ртами, глаза чуть светились под черепашьими веками.

– Опять мы заблудились... – прошамкала та, что усмирила выюгу. – Здесь нет серого петуха...

– Что с твоим умом, Ану, разве он высох, как высохли твои щеки? – засипела ее товарка. – Не видишь – вот раздваивается река. Ты сама мне читала: «От раздвоенного берега отсчитай восемьсот шагов в сторону Ура».

– Доживи до моих лет, Ина, и посмотрим, что ты будешь помнить, – пробормотала Ану, оглядываясь.

– Обе мы умрем сегодня на рассвете, ты и об этом забыла, старая ящерица? – Ина усмехнулась, обнажив голые десны. – Времени осталось мало. Считай.

Сгорбленные фигуры повернули обратно в лес и пошли, взглядывая на звезды и шепотом считая шаги. Мягкий снег оставался нетронутым под их ногами. В лесу было тихо, звери спали в занесенных снегом берлогах и норах, только волк, почуяв человеческое тепло, поднял было голову, собираясь завывать и позвать собратьев на легкую добычу, но тут же сник и, растерянно заворчав, отполз подальше с пути скользивших между соснами путниц.

– Семьсот сорок пять, семьсот сорок шесть... – шелестели их замерзшие губы...

Впереди посветлело, и странницы вышли на поляну. В конце ее возвышался запорошенный снегом гранитный камень, похожий на большую птицу.

– Вот он, серый петух! – торжествуя просипела Ану. – Сорок лет мы искали его и нашли в последнюю ночь!

– Да, теперь мы получим нашу награду! – подхватила Ина, облизывая заиндеветый рот. – Теперь мы вернемся домой...

Подковыляв к камню, они принялись обнюхивать и осматривать его со всех сторон.

– Странно, – наконец сказала Ану, – нет никакого входа, и тут слишком холодно для Него. И Он не плачет. Я ничего не слышу.

– А я слышу. Но это не Он.

Странницы обернулись. В лесу мелькали огни.

– Слишком рано, – забормотала Ану, – еще не встало солнце... И в этот раз мы ошиблись...

На поляну вышли несколько человек, одетых в суконные пальто цвета зимних елок. На плечах они несли длинные ружья. Шедший впереди человек крикнул:

– Эй, убогие!

Странницы не пытались бежать. Ветер сорвал платки с их голов, обнажив черные, густые, молодые волосы. Молча они стояли и ждали, когда маленький отряд приблизится к ним.

– Кто такие? – грозно спросил главный.

Старухи медленно подняли головы, и люди отпрянули. Глаза странниц пылали кровавым огнем, как будто в них отсвечивало багровое зимнее солнце, которое им не суждено было больше увидеть.

– Ведьмы! – взвизгнул один из солдат и, выхватив топор, ударил плашмя по трясущейся старушечьей голове.

– Ведьмы! – закричали остальные и бросились на женщин.

Через минуту солдаты затопали прочь вслед за угрюмо молчащим капитаном, а скрюченные тела остались лежать на поляне. Лес вскоре расступился, и отряд вышел к большому лагерю, где между палаток и свежих срубов тянулись к утреннему небу дымки костров, ржали лошади, бегали солдаты с сеном и мешками овса.

Капитан подошел к новому дому, сложенному из сосновых бревен, толкнул тяжелую, окованную по углам дверь. Из комнат в сени, навстречу ему, выскочил человек в сбитом набок напудренном парике, зашипел:

– Где тебя черти носят! Сам уж спрашивал второй раз...

– Виноват!

– Да иди уж, чего встал-то!

Капитан шагнул в жарко натопленную душную горницу, где за столом сидел полный человек в белой рубашке с расстегнутым воротом. Прищурился на вошедших глаза и бросив на стол трубку, человек спросил:

– Нашел?

– Нашел, батюшка, свет наш, нашел! Лучшего места не сыскать. Нева напротив того места разделяется надвое...

– Посмотрю сам. Давай коня.

– Светлейший князь, одно слово...

– Ну?

– По дороге на поляне, где камень на петуха похожий, встретили двух ведьм с очами яко уголья, и солдатики, спужавшись, забили их до смерти... Послал я солдатика закопать их в снегу, от волков, а он говорит – нету их...

– Ты с ума, что ли, спятил, – от гневного рыка капитан попятился, – сказки рассказывать! Сказки, ссказки, сскасски...

Рык перешел в шипение. Лысая полная голова князя качалась в воздухе, как поплавок в воде... Лугин вздрогнул всем телом и очнулся. Руки и ноги его совсем застыли, лоб саднило. Из окна в потолке по-прежнему струился холодный свет, но туман почти рассеялся, и луна горела, как бакен на темной воде, и плыли от нее разноцветные переливающиеся круги. Павел спустился домой, привычное уютное тепло охватило его. Он включил свет в ванной и взглянул в зеркало. Через весь его лоб шла длинная тонкая царапина, гранатовые капельки застыли на ее краях.

Глава 11

Фаня и Лиза

Фаня Леоновна никогда не хотела иметь детей. Родиться на свет, чтобы первые двадцать лет расцветать, а потом только увядать, покрываясь болезнями, как дерево грибами, теряя части тела, как отсохшие ветки... Нет, ей было ясно с детства, что рождение детей – поступок безответственный и глупый. Если тебя самого обрекли на жизнь, зачем вызывать к страданиям новую душу и вселять ее в тело, живущее пару мгновений? Ведь и семьдесят лет – это капля в океане времени. Известие о том, что профессор Гирш вместе с его насмешливыми черными глазами и кудрявой седой бородой стал облаком над зеленым полем, только утвердило ее во мнении, что жизнь – это страшный жребий, которого любой избежал бы, если бы мог выбирать сам. Несколько лет ее мучила яркая картинка, сама собой возникавшая перед глазами, то во время лекции, то в очереди в магазине, – горящая борода, летящие искры и черные завитки, рассыпающиеся серым пеплом.

Фаня Леоновна уже плохо помнила старинный немецкий городок, его голубые дома с белым гипсовым кружевом вокруг окон. Зеленая река делила город надвое, и мосты скрывались под корзинами роз. Родители Фани счастливо умерли своей смертью еще до войны, если можно назвать счастливой смерть от инсульта и инфаркта. Она была единственным и поздним ребенком и считала родителей своими главными врагами. Смотри налево, смотри направо, не трогай иголку, не касайся спичек – своими бесконечными наставлениями они не давали ей жить. Надевали ей зимой две шапки. Заставляли пить сливки и морковный сок. В низких комнатах пахло лавандой, было жарко и душно. В шестнадцать лет она сбежала в Берлин изучать психологию у знаменитого профессора Гирша, а через три года уехала в Россию, помогать мировой революции.

Отдельную квартирку с ванной и горячей водой Фаня Леоновна получила перед пенсией. До этого снимала комнаты в частных домах, носила воду в небольшом ведре (двух ведер на коромысле поднять не могла), колола дрова маленьким топором. О родительском доме и его лавандовых комнатах она не вспоминала. Та, отвергнутая, жизнь была разбита вдребезги – зачем ранить себя осколками... Только изредка, во сне, всплывали из вечной реки времени сухие маленькие лица отца и матери, шелестели их голоса, теплые руки гладили ее голову... и она просыпалась от боли в сердце...

Соседская девочка тронула ее внимательным взглядом, робостью и необыкновенной худобой. Похожа на бездомного котенка, хочется накормить ее и приласкать. У Лизы хороший музыкальный слух и страстная любовь к книгам – признаки нежной и возвышенной натуры. Фаня Леоновна разрешала ей читать все книги подряд. Гладила ее по голове маленькой сухой ручкой и хриплым от папирос голосом, картавя и твердо, будто стучала молоточком, выговаривая «т», поучала:

– Девочка, память – это не склад и не библиотека. Память – это ты. Все, что ты видишь, слышишь, читаешь – становится тобой. Выбирай книги, музыку, людей – из них ты строишь свою душу.

Лиза привязалась к ней, как к родной матери. Каждый вечер она проводила в ее маленькой квартирке, забравшись с ногами на диван с высокой спинкой под вышитой дорожкой, заваленный книгами и старыми журналами, а Фаня Леоновна приносила картофельные оладьи, чай и земляничное варенье в хрустальной вазочке. Отец хмурился, но разрешал Лизе ходить к немке. Он говорил матери:

– Может, подучит ее чему, подготовит в институт, хоть кто-то в нашей семье образованным станет.

Подруг у Лизы не было. Дети в классе ее не любили, так ей казалось. На самом деле ее просто не замечали. Сутулится, смотрит угрюмо, на физкультуре бегают хуже всех и на коня не то что прыгнуть, влезть не может. Одета тоже беднее всех – по два года в одном коричневом платье, заштопанном на локтях. Единственный, кто обращал на нее внимание, был Валерик. Он сидел сзади нее, поэтому ему было удобно дергать ее за косичку и напевать в ухо «постой, паровоз»... Как-то другой мальчишка тоже дернул ее за косу, но Валерик мягко, как кошка лапой, ударил его в нос, и сразу все лицо мальчишки залилось кровью, он заныл и убежал. Больше Лизу никто не трогал.

Пел Валерик хорошо, а учился плохо, на тройки и двойки, один раз его даже хотели оставить на второй год. Он нетвердо знал таблицу умножения, не мог запомнить по-английски трех слов. Его не интересовала ни география, ни история. Пятерки он получал только по пению и физкультуре. Длинное сухощавое тело легко крутилось на перекладине, перелетало через коня, несло впереди всех на лыжах. Льяные патлы, всегда спутанные, падали на лоб и глаза, он отбрасывал их назад, взмахивая головой, как жеребенок. Голубые, прозрачные глаза смотрели нахально и весело. От него пахло молоком и сухой травой. Многочисленные драки оставили свои следы: шрам над левой бровью, надорванное ухо. Передний зуб был снизу отломлен и походил на букву «Р», выпиленную из куска рафинада. Он часто ни к селу ни к городу начинал хохотать посреди урока, жмуря глаза и скаля сахарные волчьи зубы, и учителя ругались и выгоняли его из класса, чему он бывал только рад. Как и Лиза, он не имел друзей. Дети его боялись – он мог внезапно, смеясь, ударить, толкнуть, пнуть... хотя девочек он не трогал. Девочки возмущались его поведением, прорабатывали на собраниях, но тайно любовались им – лицо его не портил даже курносый нос.

Однажды на урок биологии учительница принесла банку с кровью для рассматривания клеток в микроскоп, а Валерик толкнул какого-то мальчика, и тот ее разбил. Учительница рассердилась, бросила им тряпку: мойте пол, негодники. Валерик выжимал тряпку в ведро, и кровь, темная, как перезревшая малина, текла между тонких пальцев, а он ухмылялся, сверкая зубами.

Иногда ночами Лиза не могла заснуть, раскладушка качалась, как лодка, кружилась голова, вздымались стены замка, пахло воском и старым деревом, молоком и сухой травой, льяные волосы нежным дождем падали на ее лицо, и тонкие мальчишеские пальцы касались груди...

После девятого класса Валерик, как и многие, ушел из школы в техникум. Школа опустела, стала чужой. Наступило безвременье, перестройка. Все, чему их раньше учили, оказалось ложью. Поменялась история, исчезли комсомольские значки. Они больше не знали, что правильно, а что плохо. О Валерике доходили странные слухи. Как будто бы он бросил техникум и исчез.

Однажды вечером Лизу послали за хлебом, и, выйдя из подъезда, она увидела Валерика, сидящего на обшарпанной скамейке, с сигаретой в тонких пальцах. Он стал взрослее и еще красивее, твердый матовый лоб под светлой челкой, губы изогнуты в знакомой усмешке. Малиновый пиджак надет прямо на черную майку. Она покраснела и хотела пройти мимо, но он весело и властно окликнул ее:

– Привет, Лизбет! А я по тебе соскучился...

Отбросил сигарету, встал и шагнул к ней, запах молока и сухой травы окутал ее, и все закачалось, как в лодке, плывущей по реке к морю – все дальше, все быстрее, все неостановимей...

Глава 12

Дом на Казначейской

Перемена декораций в городе за триста лет его существования происходила много раз. Дома надстраивались и перестраивались, улицы расширялись и сужались. Менялись их названия, менялись хозяева домов. Марк Островский всю жизнь прожил на улице Казначейской, бывшей Малой Мещанской, бывшей пятой линии Переведенской слободы. Улица эта начинается от канала Грибоедова, Екатерининской канавы, и кончается на ней же, так как Канавы в этом месте круто поворачивает и течет почти обратно – русло как будто повторяет силуэт древней пирамиды. Мощенный досками горбатый мостик отделяет тихий квартал от шумной Сенной площади.

Островским принадлежал весь подъезд. На первом этаже жила прислуга – пожилой ингерманландец Симо с женой Хенной. Они покупали продукты, готовили еду и делали всю работу по дому. Остальные квартиры в подъезде были соединены в одну. Широкую лестницу со сводчатыми окнами отделали дубом и восстановили витые чугунные балясины. Бронзовые светильники с темно-синими фарфоровыми абажурами и разноцветные стекла окон наполняли пространство лестницы странными бликами, синевато-серебряным отсветом, как будто тут всегда царил сумрак предрассветного леса. Большую часть второго этажа занимала парадная гостиная с белым японским роялем, итальянскими диванами и иранскими коврами, на другой стороне – кабинет Марка, увешанный афишами и фотографиями его спектаклей. Старое пианино с подсвечниками, память о матери, стояло там вместе с диванчиком, на котором когда-то спал отец.

На третьем этаже слева разместились детская, комната гувернантки и напротив – просторная кухня-столовая. Двери в комнаты слева были всегда плотно закрыты. Хенна раз в месяц осторожно вытирала там пыль, не поднимая с пола игрушки и не сдвигая ни одного предмета. Марк и Лиза не заходили сюда. Лиза, проходя на кухню, старалась не смотреть на дверь комнаты, где когда-то прожила несколько месяцев. Они завтракали и ужинали в своих спальнях, иногда вместе, иногда в одиночестве, а обедал каждый у себя на работе, и только когда приходили гости, накрывался огромный стол внизу, в гостиной.

Многочисленные гости восхищались необычным домом, а за глаза удивлялись, зачем было тратить столько денег на ремонт допотопного здания, да еще в непрестижном районе. Дешевле было бы купить апартаменты в элитном жилом комплексе на Крестовском острове, где тишина, свежий воздух и виды на зелень парков и гладь залива. Известному режиссеру приличнее жить в окружении изысканного дизайна и технического комфорта, а на Казначейской нет даже элементарного подземного паркинга. Гостям приходится оставлять машины на соседней улице и потом пробираться по выщербленным тротуарам, брезгливо обходя пьяных и обтрепанных аборигенов Сенной. Но времена менялись, пьяных становилось все меньше, тротуары починили, дворы привели в порядок. На первых этажах открылись приличные кафе, нотариальные конторы и книжные лавки. Коммуналки расселялись быстро, новые хозяева сразу делали дорогие ремонты, меняли проводку и трубы. Под окнами появились красивые машины. Только один странноватый магазинчик на углу все еще торговал пивом и консервами.

На верхний этаж Островские никого не приглашали, и все могли только гадать, что там находится. Впрочем, догадаться было нетрудно. На последнем этаже располагались спальни хозяев. Марк с родителями жили когда-то именно здесь, и теперь его величественная спальня занимала всю прежнюю коммунальную квартиру. По стенам, от пола до потолка, возвышались книжные шкафы из сикомора и фисташкового дерева, украшенные резной вязью, с башенками, карнизами, стрелами и колоннами. Бархатные шторы спадали тяжелыми сиреневыми волнами

на темные дубовые доски пола. Массивный письменный стол был покрыт ажурной резьбой, высокая черная кровать под балдахин и точеная церковная скамейка дополняли картину – казалось, что это не комната современного режиссера, а покои средневекового кардинала.

Спальня Лизы и ее кабинет были устроены на другой стороне лестницы, там, где раньше была квартира соседей, немцев Бургартов. Их квартиру Марк купил первой, как только появились деньги. Бургарты уезжали на историческую родину, были рады покупателю и не торговались. Родительскую коммуналку приобрести было труднее – соседи артачились, требовали непомерное, он влез в долги... После грандиозного успеха его «Ревизора», в котором актеры катались на роликах и бросали в зал живых котят, дела пошли вверх. Ему стали заказывать сценарии городских праздников, он познакомился с чиновниками – отцами города. Ольга снялась в нескольких сериалах. Неожиданно ему предложили стать главрежем одного из лучших театров. Ольга не удивилась, когда узнала, спокойно улыбалась, он хотел спросить, не ее ли это заслуга – может, поговорила с кем-то из своих правительственных поклонников, приславших ей корзины роз. Но не спросил. Приятнее было думать, что он получил высокую должность за свой талант. Денег становилось все больше. После смерти Ольгиной матери им досталась огромная квартира на Петроградке. Они продали ее, постепенно выкупили остальные шесть квартир в парадной на Казначейской и устроили настоящее театральное гнездышко – декорации восточного дворца и средневекового замка на петербургской сцене.

Комната Лизы тоже была темной и большой, скорее холл, чем спальня. С одной стороны окна выходили на узкую улицу, с другой – на глухую стену соседнего дома. Если бы Альфред Степанович был удостоен чести войти сюда, он ни за что не поверил бы, что этот мрачный синеватый зал может принадлежать его благоразумной подчиненной. Мебели было мало. Вместо паркета – мозаика из окрашенной в голубой цвет терракоты и разноцветных ракушек. Голубые стены из глазурованного кирпича украшены золотистыми барельефами – изображениями драконов, львов и крылатых быков с человеческими головами. Палисандровая кровать с изогнутой спинкой похожа на ладью. В углу стояла точная копия Марка, изготовленная модным скульптором-портретистом. Тело из розовой глины прикрыто короткой накидкой. Скульптор приклеил кукле парик из темных человеческих волос. Глаза, искусно изготовленные протезных дел мастером, почти неотличимы от настоящих. «Портретную куклу» заказала на сорокалетие Марка его первая жена, Ольга. В то время такие куклы как раз вошли в моду и стоили дорого, их рекламировали как «вип-подарок для тех, у кого все есть». Марк называл скульптуру «вип-идолом» и много раз порывался ее разбить и выбросить, но Лиза не разрешала. Сходство было поразительным, художник превзошел себя. Казалось, что изваяние в бело-золотой тунике вот-вот улыбнется и заговорит.

Да, Альфред Степанович был бы изумлен и решил бы, что Лизу заключили сюда насильно, против ее воли. Но Лиза любила этот мрачный будуар, задуманный другой женщиной – актрисой Ольгой Островской, первой женой Марка, погибшей вместе с их единственным сыном три года тому назад.

За месяц до этого страшного события Лиза пришла сюда в первый раз. В то время она еще плохо знала город и долго бродила по улицам. Ноги промокли в раскисшем снегу, руки окоченели. Она никогда раньше не бывала в этом районе. Узкие улицы, замерзший канал, грязные пустые магазинчики и забегаловки. Из подворотни выбежала крыса, большая, похожая на собаку, и тут же нырнула куда-то в подвал. На углу пьяная девчонка, в джинсах и короткой курточке, с непокрытой головой, пыталась разжечь сигарету, но замерзшие пальцы не слушались, и девчонка негромко ругалась плохими словами. Где-то хлопнула форточка, и визгливый голос пререзал тишину:

– Гулька, дрянь этакая! Живо домой!

Начиналась метель. Снег летел все гуще, кружился, вихрился, словно кто-то бросал его горстями прямо в лицо. В рваном свете качающегося фонаря Лиза сверилась с адресом на

визитной карточке. На истертой деревянной двери не было ни звонка, ни ручки. Она нерешительно постучала, и дверь сразу открылась, и за ней, за этой старой, изъеденной временем дверью, открылся диковинный мир. Как в ее любимой сказке о карлике, ставшем поваром у ведьмы. Она шагнула за порог и перенеслась в другую страну, в другое время. Ковры и зеркала, темное дерево, запахи воска и лаванды. Было тепло, почти жарко. Худощавый старик в вязаной безрукавке, неодобрительно поджав губы и косо поглядывая из-под лохматых седых бровей на ее грязные сапоги, позвонил по старинного вида телефону, висящему на стене.

– Ольга Львовна, из больницы явились.

Он повел Лизу по дубовой лестнице наверх. В каждом пролете было высокое окно с цветными витражами. В сумрачном зале с голубыми стенами она не сразу разглядела женщину, лежащую на низком диване под черным пуховым пледом. Длинная коса золотистых волос извивалась рядом с ней, как змея. Красивое, очень знакомое лицо. Устало прикрыты глаза, капризно изогнуты узкие губы.

– Вы опоздали.

– Простите, я никак не могла найти...

– Принесли документы? Диплом? Дайте сюда... Главный врач сказал, что у вас большой опыт работы с детьми. Но вы так молоды...

– Я работала в детском доме все пять лет, пока училась...

– Говорите тише, у меня болит голова.

Свежий ветер ворвался в комнату. Лиза обернулась. Бородатый мужчина шел к ним от двери, черное пальто и черная шляпа блестели от измороси.

– Ну наконец-то. – Ольга Львовна протянула ему веснушчатую руку с длинными алыми ногтями. – Почему так поздно?

– Здравствуй, Леля. – Он обнял ее и поцеловал в лоб.

– Фу, холодный, разделся бы сначала... Это гувернантка... то есть психолог, для Саши. Ее рекомендовал Альфред Степанович.

Мужчина повернулся к Лизе, снял шляпу с темных курчавых волос и, улыбаясь, взглянул Лизе прямо в глаза.

– Я рад. Меня зовут Марк.

– Марк Борисович, – сухо уточнила Ольга Львовна.

– Где вы живете?

Сердце колотилось так сильно, что Лиза боялась упасть. Но она смогла ответить:

– В общежитии... при больнице.

– В общежитии? – Ольга Львовна еще больше скривила нервный рот. – Вы что, не ленинградка?

– Подожди, Леля. Не смущай девушку лишними вопросами. Это же очень далеко. Я буду посылать за вами машину...

– Марк, она будет жить здесь, в комнате рядом с детской. Я предупредила, что работа будет шесть дней в неделю.

– Ну и славно! Но что с вами? Вам нехорошо? Симо принесет вам сейчас горячего чаю... и рому!

– Мне хорошо, – сказала Лиза. – Какой красивый у вас дом!

Глава 13

Лидуся

Вот уже год Альфред Степанович скрытно ходил на психотерапию к своей подчиненной, Лизе Островской. Лиза единственная во всем городе, на кого можно положиться. Альфреда Степановича знают все психиатры, психологи и даже студенты медицинской академии. Сколько насмешек принесло бы известие, что главный врач Гнезда сам страдает от сильнейшего невроза. Невроз этот заключался в том, что Альфреду Степановичу раз в месяц снился кошмарный сон, будто он запечен в бисквит и должен проедать себе путь наружу. Каждый раз, когда, проглотив последний кусок ненавистного бисквита, он высовывал голову на волю, перед ним вставала ухмыляющаяся бабья рожа ведущего популярного телешоу и с наглой усмешкой спрашивала:

– Куда? Докушайте, батенька!

Альфред Степанович просыпался со стоном, с лихорадочно бьющимся сердцем и пил валокордин и валерьянку.

Начался невроз в прошлом году, после того как супруга Альфреда Степановича преподнесла ему страшный сюрприз. Лидия Ивановна работала в этой же больнице старшей медсестрой. Познакомились они в первый день на работе, куда он пришел после мединститута, а она после медучилища. Поженились сразу, хотя особой страсти друг к другу не испытывали. Алик жил с матерью и сестрой в Рошине, ездил на работу каждый день по полтора часа, а Лидуся жила в самом центре, на канале Грибоедова, и была в молодости даже привлекательна, именно на мужской взгляд. Подруги ее считали некрасивой, но Алику нравилась Лидусина полнота, застенчивый взгляд узеньких глаз, мягкая короткая шейка и тонкий голосок. Лидия Ивановна не всегда выговаривала букву «Л». Мужа она называла Аик, а себя – Идуся.

Жили они в целом хорошо, вот только детей у них не было. Но они постепенно с этим смирились, тем более что грустить и тосковать было некогда – работы хватало, приходилось и по вечерам писать отчеты и заключения. Лидуся умела готовить борщ, а по праздникам даже и пельмени, и Альфреду Степановичу все нравилось, что она подавала на стол, хотя питались они чаще бутербродами с сыром и ливерной колбасой, а иногда макаронами по-флотски. Годы шли, быт налаживался. Квартиру отремонтировали, купили новую мебель, денег стало хватать на кафе, и даже рестораны, и поездки по свету. Постепенно Альфреда Степановича раздражать стала Лидуся: чмокает при еде, складочки под подбородком, тут отвисло, там шершавое, на ногах вены... Конечно, и сам Альфред Степанович не помолодел за пролетевшее время. Он и в юности был полным, а с годами стал, прямо говоря, чересчур толстым, особенно в нижней половине. Когда он шел по коридору больницы, казалось, катится большая мягкая юла. Но в душе он был молод и мало, по своему мнению, отличался от того Альки, которого мальчишки дразнили за неуклюжесть Винни-Пухом. Спортом он никогда не увлекался, но болельщиком был заядлым. Лидия Ивановна по выходным все время дома сидела, лезла с разговорами, а он и так устает от бесед с пациентами, хочется спокойно хоккеем посмотреть. Только усядется на диване, откроет бутылочку пивка холодного, а она тут как тут, сядет рядом, что-то глупое рассказывает, и он отмечает машинально, про себя: заднего коренного не хватает... зачем она так широко рот раскрывает... мешки под глазами... нижние конечности короткие... еще ногу на ногу старается закинуть... волосы поредели, поседели. Серенькая землеройка с фигурой столбиком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.